

Система частей речи немецкого языка позволяет, а в ряде случаев требует установления некоторых соответствий: новое имя существительное дает основание для организации нового глагола, который, в свою очередь, служит основанием для образования нового девербатива: Die Expansion и новое expandieren „расширяться, проявлять экспансию”, der Job „англ. работа, заработок” и новый немецкий глагол jobben „работать, вкалывать”, der Jet „англ. реактивный самолет” и немецкий глагол jetten „летать, пользоваться самолетом”, der Jetter „пассажир соответствующего класса самолета”.

Здесь можно подвести некоторые предварительные итоги. Язык обслуживает общество. Общество не живет изолированно от других обществ с их языковыми системами (глобализм). При постоянных контактах различных обществ контактируют и языковые системы. Эти контакты не проходят незамеченными, наступает сложный процесс взаимодействия языковых систем на разных уровнях их структуры. Некоторые виды взаимодействий могут быть контролируемы, описаны и предсказаны их будущие этапы развития. Но, пока можно лишь строить предположения относительно того, к каким последствиям приведет глобальный процесс взаимодействия систем языков. Сегодня важным оказывается возможность исследования процесса акклиматизации англоамериканизмов в немецком языке. Но сделать это мы предполагаем на уровне всех стратификационных микросистем немецкой структуры.

М.В. НАЙДЕНОВА
г. Белгород

К ВОПРОСУ О ВЕРХНЕЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЕ „НЕПОЛНОСЛОЖНЫХ” СОЕДИНЕНИЙ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Несмотря на то, что лингвисты практически единодушно считают, что массовое появление „неполносложных” композитов происходит именно в ранненововерхненемецкий период, в языкознании существует точка зрения, согласно которой некоторое количество данных композитов существовало и в древневерхненемецкий период.

Ряд языковедов сходятся во мнении, что в основе „неполносложных” соединений лежат синтаксические группы, которые в результате частого употребления превратились в цельное монолитное образование — лексическую единицу [Grimm, 1822-36, 600; Wilmanns, 1911, 529]. Суть этой проблемы состоит в том, что синтаксические конструкции и гипотетически возникающие на их основе „неполносложные” соединения совпадают по

своим формально-структурным признакам вследствие широко практиковавшейся в древне- и средневерхненемецкий период препозиции зависимого генитива в группе существительного. Речь прежде всего пойдёт о соединениях типа *tages-zît*, *hundes-fliega*, *suppîn-tag* и т.п., характерных для древневерхненемецкого языка. Положение о верхней хронологической границе полносложных композитов в диахронии приобретает принципиальную значимость, так как определяет: когда образования типа „неполносложных” соединений уже можно считать самостоятельным словом, а когда синтаксическим объединением двух самостоятельных слов.

Языковеды настойчиво пытаются вывести критерии, на основе которых можно было бы утверждать, что процесс превращения словосочетания в сложное слово как единицу лексики уже завершился. Однако, как уже отмечалось выше, формально-структурный критерий не способен произвести подобное разграничение и распознать „неполносложный” композит в массе однородных по составу синтаксических соединений. Единственно пригодным оказывается семантический (функциональный) критерий, в основе которого лежит специфическая семантика „неполносложных” образований, которая отвечает „потребности в языковом употреблении” [Grimm, 1822-36, 408]. Другими словами, когда значение таких соединений приобретает особый характер и начинает восприниматься как название устойчиво выделяемых людьми предметов. На основании данного положения, по мнению Я.Гримма, следует констатировать наличие сложного слова и вхождение его в лексику языка. В этом отношении внимание автора акцентируется на семантических сдвигах, происходящих в значении такого рода соединений, которые находят выражение в метафорических переносах (*hundes-fliega* — насекомое с грызущими ротовыми частями; *hanen-fuoz* — „лютик”), в переходах в имена собственные (*Franchônô-furt*, *Svâpô-lant*). Согласно точке зрения Я.Гримма, семантика данных соединений является наглядным доказательством тому, что последние являются самостоятельными лексическими единицами, т.е. сложными словами.

Разработанная младограмматиками во главе с Г.Паулем „теория изоляции” отражает многие положения концепции Я. Гримма. Так, согласно этой теории именно семантическая изоляция словосочетания — как способ образования сложного слова — является характерной чертой немецкого словосложения [Brugmann, 1889, 31; Paul, 1937, 330; Wilmanns, 1889:3]. Следовательно, особая семантика соединения является определяющим признаком, на основании которого это соединение классифицируется как сложное слово.

Однако, как оказалось, ни младограмматики, ни Я.Гримм, используя данный семантический критерий, не могут точно утверждать, когда словосочетания типа *tages-zît*, *hanin-fuoz*, *hundes-fliega* превратились в сложное слово. Младограмматики пытаясь ответить на данный вопрос, вводят

термин „werdende Komposita”, который предполагает постоянное наличие и функционирование в языке так называемых формирующихся композитов, символизирующих текучесть границы между „неполносложным” композитом и синтаксическим словосочетанием [Paul, 1937, 329].

Следовательно, верховным критерием, к которому следует обращаться при определении границы, отделяющей „неполносложный” композит от внешне идентичного синтаксического словосочетания признаётся лишь семантический. Однако „неполносложное” словосложение как особый способ словообразования не может быть сведено к семантической изоляции отдельных словосочетаний с препозитивным родительным падежом, так как с точки зрения грамматических закономерностей древневерхненемецкого языка словами такие соединения ещё не были. Более того, структурная общность соединений типа *tages- zît* с массой аналогичных синтаксических словосочетаний вообще отрицает возможность систематического различения предполагаемых „неполносложных” композитов и синтаксических словосочетаний в данный период времени.

Положение о семантическом критерии как основной характеристике сложного слова нарушает диахроническую связь между явлениями синхронных срезов различных периодов. Семантическая изоляция согласно выше представленным концепциям как условие формирования „неполносложных” композитов применима только для композитов, относящихся к древне- и средневерхненемецкому периодам, в то время как в современном немецком языке композиты такого рода часто выражают значение, свойственное синтаксическому словосочетанию [Адмони, 1955: 305]. Если следовать „теории изоляции”: для того, чтобы древневерхненемецкие атрибутивные соединения могли считаться „настоящими” композитами, необходима известная лексикализация соответствующих синтаксических конструкций, в то время как для современных сложных существительных выполнение этого условия не требуется.

Таким образом, мы отвергаем мнение о существовании „неполносложных” соединений в древневерхненемецкий и средневерхненемецкий периоды, и считаем, что этот способ словообразования возникает лишь на уровне ранненововерхненемецкого периода. Процесс формирования данного способа словосложения тесно взаимосвязан с процессами разложения группы существительного с препозитивным атрибутом в родительном падеже и выделения особой формы нарицательного существительного без артикля.

В отношении образований типа *tages-zît*, *hundes-fliega* и т. п. речь может идти лишь о лексикализации целого ряда подобных словосочетаний, которые в результате их частого употребления закрепляются в языке и могут даже перейти в словарный состав языка, но не в качестве слова, а в качестве „устойчивого лексикализованного словосочетания”, с типичным для этого периода порядком слов [Павлов, 1958, 12].

- Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. — М.: Изд-во ин. лит-ры, 1955. — 390 с.
- Павлов В.М. Развитие определительного сложного существительного (с первым компонентом — существительным) в немецком языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. — Л., 1958. — 16 с.
- Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. — Strassburg: Trubner, 1889. — Bd. 2. — 462 S.
- Grimm J. Deutsche Grammatik. — Göttingen, 1822-36; 1870. — 4 Bd.
- Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. — Halle (Saale): Niemeyer, 1937. — 428 S.
- Wilmanns W. Deutsche Grammatik. — Strassburg: Trubner, 1899. — 2 Abt. — 671 S.

С.М.НАРОЖНЯЯ

г.Белгород

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С РАЗМЫТОЙ/СОВМЕЩЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В „КОМПЛЕКСЕ И.С. ПЕРЕСВЕТОВА”

Сочинения И.С. Пересветова — публицистический комплекс из произведений разных жанров, обладающих общим фондом лексико-фразеологических единиц [Нарожная, 1998, 2002]. Многозначная лексика ПК относительно немногочисленна (*правда* — 8 ЛСВ, *земля* — 4, *обида* — 3, *судити* — 3 и др.). Полисемантная лексика, не связанная в сочинениях И.С. Пересветова с определенной тематикой, составляет значительную группу, при этом некоторые единицы выступают в 5-6 ЛСВ (*сердце* — 8, *дело* — 5, *великий* — 6, *мудрый* — 4, *прелцатися* — 3, *стояти* — 3 и др.). Особый пласт представляют в ПК лексемы и фраземы с размытой/совмещенной семантикой.

Понятие диффузности значений многозначного слова, размытости лексической семантики „стало существенным инструментом описания” диалектного (Оссоветский, 1982) и фольклорного слова (Хроленко, 1992) [Никитина, 1997, 362]. Для нас является существенным понятие о типе диффузии, связанном с взаимопроникновением значений внутри многозначного слова, когда, согласно Д.Н. Шмелеву, „значения, различающиеся в одних контекстах, не различаются в других, выступая нераздельно” [Никитина, 1997, 363]. Диффузность этого типа связана, по мнению С.Е. Никитиной, с наличием либо так называемого главного значения слова, либо глубинного семиотического/символического значения, объединяющего своим присутствием значения другого уровня, или с тем и другим вместе [Никитина, 1997, 363]. Отметим специфику такого рода совмещения отдельных значений — „их разграничение не осуществляется (и не представляется необходимым)” (выделено нами — С.Н.) [ЛЭС, 382].

С другой стороны, „совмещение (синтез) дифференциальных струк-